

Глава VI. Сарагоса, 1922

ГОД

В июне 1921, года Сарагоса жила в размеренном ритме. Дуррути работал в мастерской по изготовлению ключей. «Пистолерос» пока ещё не начали действовать. Профсоюзы работали в нормальном режиме, хотя, что касалось закона, без должной стабильности. Только заключённые в тюрьме Предикадорес, томившиеся в ожидании суда, нарушали этот спокойный сценарий. Из застенков доходили кое-какие новости: в результате плохого отношения и влажности в камере, заболел Франсиско Аскасо. Его товарищи написали просьбу в Комитет защиты заключённых усилить пропаганду в поддержку Аскасо¹¹². Когда Буэнавентура слышал разговоры об Аскасо, то восхищался им, как личностью, поскольку Пина и другие товарищи всегда почтительно отзывались о нём. Не один раз Буэнавентура порывался навестить его в тюрьме, но его друзья неизменно выражали несогласие с таким безрассудным поступком.

Дуррути поселился в доме Пины и вёл «отшельнический» образ жизни. Этот период подполья помог полиции забыть об имени Дуррути. Кроме того, Апарисио — начальник полиции Сарагосы, — был известен своими жёсткими мерами против НКТ. Он пытался покончить с этой организацией, пользуясь судебным процессом над Викторьяно Грасией, после взрыва бомбы в кафе Роялти во время забастовки официантов¹¹³. Изоляция пошла на пользу Дуррути: он пополнял свои не очень обширные знания в библиотеке Пины, читал Бакунина и Кропоткина. Позднее, сам Дуррути признается, что «оба мировоззрения помогли ему привести в равновесие его собственные идеи, видя в Кропоткине практическое дополнение Бакунина»¹¹⁴. «Напористый и радикальный Бакунин находил в Кропоткине основы для претворения в жизнь либертарного общества». Испанцы к тому времени уже создали теоретический синтез двух авторов, который включал традиции коллективизма и федерации, присущие этой стране, — таким образом проявлялись особенности иберийского анархизма¹¹⁵.

Признание Дуррути, приведённое выше, было сделано намного позже; именно поэтому, опираясь на данные об его активизме тотчас же после выхода из подполья, мы более склоняемся к тому, что, вопреки его словам, решающее влияние на него в те времена произвёл Бакунин.

Кроме чтения книг, также оказали своё воздействие постоянные дискуссии с Пиной, который придерживался иных взглядов в идеях анархизма. В те времена, Испания переживала новый политический кризис. В сущности, он являлся продолжением старого, неразрешённого конфликта в стране. Критикуемая военная кампания в Марокко провалилась. Войска генерала Сильвестре потерпели поражение от армии Абд-эль-Крима; в битве при Анвале погибло четырнадцать тысяч испанских солдат. Когда 11 августа

поражение стало неотвратимо, народ взорвался в бурном негодовании, требуя не только полного окончания военных действий, но и самого строгого наказания для зачинщиков кровавой бойни и всех политиков, способствовавших африканским военным кампаниям. Народное волнение приняло размеры настоящего восстания, и во всех крупных промышленных городах прошли сильные забастовки. Гражданская гвардия не была способна подавить протест ружьями марки «Маузер», и глава правительства, Альенде Саласар, гонимый нескрываемым страхом, прибыл в Королевский дворец с просьбой об отставке. Альфонсо XIII, известный своим презрением к «черни», занимался чемоданами для отъезда в его летнюю резиденцию, — дворец Deuville, — когда срочно вызвали Мауру. Ему поручили формирование «сильного правительства», с целью заглушить голоса, требующие наказания виновников. Маура должен был действовать вместе с министром обороны, который был бы способен победить на социальном фронте, то есть, не в Марокко и не в войне с арабами, а в самой Испании, и в битве с испанскими трудящимися¹¹⁶.

Маура, опытный и ловкий политик, понял, что Альфонс XIII поручил ему «взять Испанию в ежовые рукавицы»¹¹⁷. Он составил новое правительство и назначил на пост Министра внутренних дел губернатора Сарагосы — графа Коэльо и Португаль. Была намечена политическая программа: репрессии по отношению к рабочему классу и привлечение буржуазии, особенно каталонской, которая посредством дерзкого терроризма, показывала своё явное презрение к центральной власти Мадрида. Мауре удалось «умиротворить» народ: он увеличил расправы в общественных местах, погнал по всей Испании группы заключённых — «цепочки узников»¹¹⁸, закованных в кандалы, заполнил тюрьмы рабочими. Меры для привлечения каталонской буржуазии полностью провалились; она требовала возглавить Министерство финансов, и, не получив его, не поддержала правительство Мауры. В марте 1922 года, в результате нового кризиса, он покинул пост.

Альфонсо XIII задумал следовать примеру Муссолини и решил, что выходом из положения может быть генерал фашистского склада, который бы смог бы контролировать нацию и позволил бы ему «править» в спокойной обстановке. Когда на пост министра назначили Санчеса Герру, то его чётко проинструктировали в этом смысле. Однако, Герра, чувствуя, что его время на посту не будет долгим, напротив, организовал правительство социального перемирия и 22 апреля 1922 года восстановил конституционные гарантии в стране.

К тому времени, Сарагоса и арагонский филиал НКТ уже испытывали на себе трагедию пистолеризма, импортированного из Барселоны графом Коэльо и архиепископом Сольдевиллой¹¹⁹.

Когда местные власти Сарагосы прослышали о том, что после политического поражения Мауры, Санчес Герра может занять его место, то решительно перешли в наступление. Заработала машина правосудия, с тем чтобы быстро закрыть как можно больше судебных дел, пылящихся в архивах. Было объявлено о судах над обвиняемыми (но не осуждёнными) в деле о покушении на Берналя и происшествии с журналистом Гутьерресом; приговоры этих процессов обещали быть серьёзными. «Справедливые» быстро заняли боевые позиции, пользуясь также поддержкой адвокатов — защитников интересов рабочего класса, прибывших из Мадрида и Барселоны. Эдуардо Барриоберо, главный защитник, изложил свою точку зрения перед Комитетом защиты заключённых: «При правительстве,

возглавляемом Санчесом Геррой, произойдут изменения в политике, и, когда будут восстановлены конституционные гарантии, НКТ и другие оппозиционные организации, смогут выйти из подполья. Но если этот судебный процесс разрешится до того момента, как это произойдёт, и обвиняемым будет вынесен приговор, то, несмотря на политику ««перемирия»», это дело не будет пересмотрено, и они будут осуждены на многолетнее заключение. Чтобы успешно выйти из ситуации, и добиться освобождения узников, самой лучшей защитой будет поддержка народа, который потребует освобождения невинных на демонстрациях. Только народное давление может изменить положение в нашу пользу»¹²⁰. Делегат от анархистских групп пояснил Комитету защиты заключённых, что более действенным орудием будут всеобщая забастовка и бурные протесты на улицах. Делегат от НКТ выдвинул аргумент, что «ввиду закрытия профсоюзов, призыв ко всеобщей забастовке не будет поддержан рабочими»¹²¹. Анархистские группы договорились о следующем: в случае непризнания НКТ ответственности за призыв к забастовке, они возьмут на себя инициативу и последствия такого действия. Для этой цели была избрана делегация, в составе которой был и Буэнавентура. Местный комитет НКТ созвал представителей профсоюзов, чтобы на всеобщем собрании проанализировать действия, которые должны быть проведены в Сарагосе. Они стояли перед решающим выбором: если рабочий класс поддержит призыв к забастовке, победа будет полной — как для НКТ, так и для заключённых; но, если забастовка не будет единодушной, НКТ окажется в невыгодном положении и даст повод властям для ужесточения и без того сильных репрессий. Буэнавентура Дуррути, присутствовавший на этом собрании, предложил, что призыв к забастовке должен быть сформулирован анархистскими группами. Если забастовка потерпит поражение, НКТ обвинит эти группы в авантюризме, но, если акция удастся, тогда заслуга будет приписана Конфедерации, которая покажет свои сильные стороны и послужит ориентиром для масс. Предложение было принято, и либертарные группы вместе с НКТ разработали совместный план действий.

Оставалось мало времени для начала действий. Поначалу был парализован городской транспорт, так как на 20-е число было назначено слушание дела о покушении на Берналя. 19 апреля распространили листовки с информацией о самом процессе и о его глубинных причинах, а также о необходимости всеобщей забастовки. Уточнили места сбора: ворота тюрьмы и Аудиенции. В шесть утра вышли первые трамваи с эскортом полиции. Мангадо рассказывает, что частые залпы помешали операции: «Заключённые проснулись от шума оглушающих взрывов. Это продолжилось в течение двух часов, до выхода узников к Аудиенции. Когда те вышли на улицу, огромная толпа встретила их криками: «Да здравствуют честные узники!» и «Да здравствует НКТ!». Дух рабочих не был сломлен холостыми выстрелами полиции. Толпы людей двинулись вместе с осуждёнными к зданию Аудиенции, которое было переполнено людьми. Едва судья объявил о начале слушания, присутствовавшие в зале встали, громко приветствуя заключённых. С улицы доносились те же приветствия и грохот выстрелов. Сразу же стало ясно- (особенно адвокатам-защитникам), что суд был заинтересован в скорейшем завершении процедуры, быть может, под давлением губернатора; скорая победа стала очевидной. В своей речи адвоката-защитника Эдуардо Барриоберо был краток: «Свидетельства невинности моих подзащитных? Не я их предъявляю перед судом. Когда на городской площади протестует весь народ, невинность уже доказана»¹²². Присутствующие на суде подхватили эти слова. Спустя несколько секунд, Берналь, жертва покушения, показал, что не опознаёт виновников

преступления среди осуждаемых. Через час судьи выносили оправдательный приговор заключённым. Когда те вышли из здания суда по направлению к тюрьме, полиция не смогла сдержать напор толпы. Отовсюду слышались возгласы ликования». 22 апреля 1922 года Санчес Герра восстанавливал конституционные гарантии. Тотчас же, не ожидая никаких официальных процедур, народ Сарагосы, открыл двери закрытых профсоюзных организаций. Это возвращение конституционных свобод было отпраздновано, особенно в Барселоне, всеми кругами общества: профсоюзы возобновили деятельность, заключённые по административным обвинениям вышли на свободу, люди вновь могли открыто выражать свои мнения, а и печатные издания вновь стали издаваться.

В этом каталонском городе профсоюзные делегации созывали всеобщие собрания; для этих целей снимались здания кино и театров и кинотеатров. На одно из таких заседаний, наиболее важных, был созван в театре «Виктория» Профсоюз деревообрабатывающей промышленности. Когда зал наполнился, зачитали список: 107 человек, — членов НКТ, — погибших от рук «пистолерос». Либерто Кальехас (Марко Флоро) произнёс имена Эвелино Боалья, Антонио Фелиу, Рамона Арчса и других. Валентин Рой, присутствовавший при этом, рассказывает: «На собрании во всеуслышание был объявлен состав нового Совета профсоюзов; это были должности, сопряжённые с опасностью, так как наёмники Анидо всё ещё охотились за активистами. Одним из кандидатов был Грегорио Ховер, как делегат от местной Федерации единых профсоюзов Барселоны»¹²³.

В остальных каталонских профсоюзах происходили те же события; собрания, как мы уже говорили, созывались повсеместно. На них выбирались ответственные на профсоюзные должности, устраняя таким образом недемократические упущения, совершённые во времена подпольной деятельности. За короткий срок НКТ восстановила прежних членов и даже пополнила свои ряды. Вскоре перед НКТ встала весьма сложная проблема: её отношения с III Интернационалом¹²⁴. Для того, чтобы покончить со всеобщей неразберихой, новоизбранный Национальный комитет и Хуан Пейро, новый секретарь, решили созвать Съезд. Перед этим была организована Национальная профсоюзная конференция, которая прошла 11 июня 1922 года. НКТ, уже работавшая в нормальном режиме по всей стране, с юридической точки зрения, продолжала действовать в подполье. Именно поэтому филиал НКТ Сарагосы прибег к уловке и подал заявку на получение разрешения «национального заседания рабочих, чтобы обсудить общественные темы страны». Викториано Грасия, от имени рабочих Арагона, открыл конференцию; затем, приветствуя рабочий класс Испании, слово взял Хуан Пейро. Вскоре делегат от правительства понял, о чём шла речь на самом деле, и попытался приостановить мероприятие. Грасия с трибуны ответил ему: «Рабочие не могут согласиться с самоуправством», и добавил: «С этого момента мы объявляем всеобщую забастовку». Перед лицом такой угрозы, представитель правительства был вынужден отступить. Собрание завершил гигантский митинг на арене для боя быков.

На конференции широко обсуждался вопрос о III Интернационале¹²⁵. Иларио Арландис подтвердил представительскую легитимность его делегации, назначенной на Пленуме в Лериде¹²⁶. Гастон Леваль и Пестанья зачитали объёмные доклады о своём пребывании в Москве¹²⁷. Заслушав эти три доклада, Конференция констатировала, что делегация в составе Нина, Маурина и Арландиса не оправдала доверия со стороны Национальной конфедерации труда при отягчающих обстоятельствах использования момента репрессий,

который помешал дать отпор их уловкам. Также были одобрены соглашения Конференции в Логроньо¹²⁸ и работа, проведённая Анхелем Пестаньей; в результате, Андреу Нин больше не считался представителем НКТ в Красном интернационале профсоюзов¹²⁹. Проанализировав известные «21 условие», Конференция объявила о неприемлемости участия НКТ в III Интернационале¹³⁰. Напротив, было предложено войти в состав Международной ассоциации трудящихся, недавно воссозданной в Берлине. Поскольку Конференция не располагала полномочиями в принятии решения по этим вопросам, она обратилась к профсоюзам, с тем чтобы они в процессе референдума выразили своё желание по главному пункту: войти или нет в состав III Интернационала¹³¹. Обсуждения были публично оглашены, как мы указали выше, на арене для боя быков в Сарагосе. Сальвадор Сеги, назначенный Генеральным секретарём, в динамичном выступлении заявил во всеуслышание о репрессиях со стороны правительства: «Я обвиняю государственную власть, зачинщицу и ответственную за терроризм в 1920–1922 годы». Викторiano Грасия, взяв после него слово, потребовал освобождения Франсиско Аскасо, жертвы интриг начальника полиции Педро Апарисио.

Испанская пресса отметила большое политическое значение Конференции. «Рабочая солидарность» из Барселоны напечатала передовицу с заголовком: «Мёртвые, убитые вами, находятся в добром здравии». Франсиско Аскасо благодаря давлению рабочих вскоре вышел на свободу. Сразу же на митинге юноша обратился к народу с разоблачениями полицейских интриг. Народ ещё раз обличил Апарисио и его банду соучастников. Буржуазия развязала новое наступление, объявляя бойкот самому Аскасо, что в народе называлось «голодным пактом». События развивались следующим образом: мать Франсиско должна была вернуться в свою родную деревню Альмудебар с младшей дочерью Марией. Двух братьев Аскасо — Алехандро и Доминго — не было в столице. Ему пришлось поселиться на время у двоюродных братьев. Тем не менее Франсиско давно строил планы насчёт встречи с братом Доминго в Барселоне. Он занимался подготовкой отъезда в Барселону, когда получил приглашение от Пины участвовать в собрании «Справедливых» для решения неотложных проблем группы. Там Франсиско познакомился с Торресом Эскартином и Буэнавентурой Дуррути. Они обсудили проблему первого разногласия в группе по вопросам тактики. Что касалось практики революционного авангарда, то Пина занимал большевистскую позицию; он формировался из анархистских групп, призванных поднять революционное восстание. Для этой передовой части Пина предлагал организацию «профессиональных революционеров». Дуррути как в вопросе об авангарде, так и о революционном профессионализме придерживался противоположного мнения. Для него истинным руководителем революции являлся пролетариат. Сильное влияние анархистских групп было достигнуто благодаря радикальному характеру их действий. Великие теоретики, согласно аргументам Дуррути, заимствовали свои идеи из жизни пролетариата, так как он сам и есть бунтарь — инстинктивно и по необходимости; положение эксплуатируемого класса несёт в себе необходимость борьбы для своего освобождения. Освободительная баталия должна опираться на организацию, в основе которой лежит солидарность. Социальная история нашей страны показывает, что до того, как основатели теории разработали решения или руководства для пролетариата, он уже нашёл для себя способ освобождения: посредством объединений групп в цехах и на фабриках и т.д. Для Буэнавентуры вмешательство «профессиональных революционеров»¹³² не могло привести не к чему иному, как к выхолащиванию самого процесса созревания пролетариата. Цель анархистов состояла в

понимании этого естественного процесса. Именно поэтому отделение от рабочего класса под предлогом более эффективной деятельности для его блага является предательством, прелюдией к бюрократизации, так сказать — новой формой эксплуатации¹³³. Аскасо привлекли идеи и сама личность Дуррути. Ранее он изложил своё мнение в статье «Партия и рабочий класс»¹³⁴, опубликованной в La Voluntad. Обе точки зрения совпадали и представляли каждая в своё время тормоз «большевизации», бюрократизма и всем тем фальсификациям, исходящим из миража так называемой русской революции. По окончании собрания, соблюдая меры безопасности, участники попарно покинули дом; Буэнавентура и Франсиско вышли на улицу вместе.

Так завязалась их крепкая и глубокая дружба. Впоследствии многочисленные события укрепят их тесные идейные отношения, возникшие с самого начала. Стереотипные различия лишь объединяют общее сходство. Аскасо — худой, нервного склада. Дуррути — атлетического сложения и хладнокровный. Франсиско с его подозрительным взглядом при знакомстве производил неприятное впечатление. Дуррути, несмотря на его кажущееся спокойствие, был по натуре оптимистом и проявляющим свои эмоции человеком. Именно поэтому с самого начала Дуррути полностью отдался дружеским отношениям; Аскасо проявил бóльшую осторожность в ожидании более глубокого знакомства с обеих сторон. Однако, когда между друзьями установилась атмосфера полного доверия, из общения двух революционеров родились великие начинания.

Как-то раз пришло письмо брата Франсиско — Доминго, — где он описывал положение в Барселоне: «Спокойствие — мнимое. Воздух наполнен предвестием драм. Пистолеризм, оплачиваемый предпринимателями, нашёл новую нишу: жёлтый синдикализм, члены которого пользуются такими же привилегиями, что и “пистолерос” Браво Портильо»¹³⁵. И дальше в письме: «Если руководители НКТ и верят этому штилю, то анархистские группы, как я считаю, не обманывают себя, готовясь к новому нападению, которое будет объявлено против синдикализма с минуты на минуту». Затем Доминго отмечает: «Этот новый бой будет решающим, многие товарищи погибнут. Но борьба неизбежна...» и советует своему брату оставаться в Сарагосе до полной поправки, несмотря на трудное положение в этом городе¹³⁶. Аскасо и Дуррути манило в Барселону как магнитом. Они сообщили группе о принятом решении; их поступок был не чем иным, как идейным разрывом с остальными «Справедливыми». Торрес Эскартин, Грегорио Субервьела и Марселино дель Кампо решили присоединиться к ним. Под именем, объединившим их (Crisol — «Горнило»), пятеро друзей в середине августа 1922 года начали новую жизнь.

Версия #1

Зверобой создал 12 июля 2025 22:59:34

Зверобой обновил 12 июля 2025 23:03:21